

Вопросы к докладчику и ответы

Вопрос (А.И. Неклесса):

Александр Гельевич представил нам исторический анализ, сделанный им исходя из собственной методологии, нарисовав несколько вариантов развития событий.

Вопрос мой заключается в следующем: анализ — важная вещь, но хотелось бы услышать сформированный на его основе прогноз состояния России на ближайшие 5–10–15 лет? Какой ход событий Вам представляется наиболее вероятным? Я бы подчеркнул: не желательным, а именно вероятным. И какие меры нужно предпринять, чтобы он стал желательным? Возможна ли дальнейшая регионализация страны, скажем, по типу «чеченизации», когда формальные декларации о лояльности сопровождаются фактическим выдавливанием федеральных институтов, или насколько вероятно (и до каких пределов) «отплывание» таких регионов, как Дальний Восток и Калининградская область? Тем более что под боком у страны создается, кажется, новый центр политической гравитации — я имею в виду Восточное партнерство — втянувший в себя наряду с Грузией и Украиной также Азербайджан, Армению, Молдавию, Белоруссию?

Итак, мой вопрос: какой сценарий ситуации в России-РФ представляется докладчику наиболее вероятным — с лагом где-то лет 5–10–15? И насколько в этот сценарий укладывается вероятность «расползания» страны в той или иной форме?

Ответ (А.Г. Дугин):

Три сценария, которые я изложил, можно изобразить на следующей схеме (см. рис.). Это — схема русской трифуркации (вероятностного расстроения траектории).

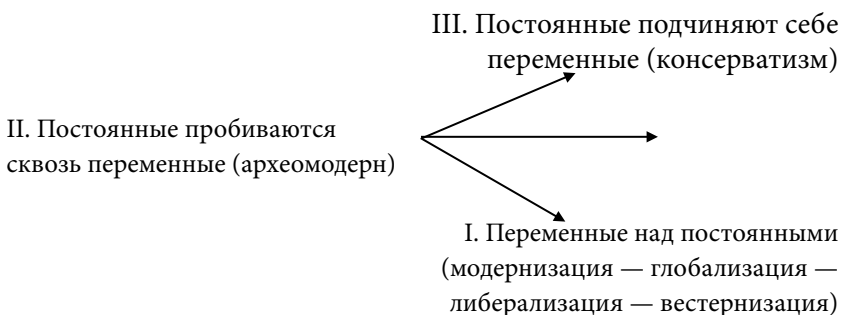

Схема русской трифуркации

Сценарий I. Вероятность победы переменных. Это означает, что Россия глобализуется, интегрируется в мировое сообщество, утрачивает свою идентичность, свой суверенитет, постепенно исчезает как явление, распадается и растворяется. Русские могут на какое-то время остаться, остаться может даже государство, но России как цивилизации не будет. Этот курс был взят в перестройку, продолжен в 1990-е гг., остановлен и заморожен Путиным в 2000-е гг., но он не отброшен окончательно.

Сценарий II. Постоянные проступают через переменные, константы трансформируют семантику процессов глобализации и модернизации. Я предложил для описания такой модели термин «археомодерн» (см. Дугин А. «Радикальный субъект и его дубль». М., 2009). Это означает компромисс между константами и переменными. Это приблизительно то же самое, что мы имеем сейчас.

Сценарий III. Наиболее близкий мне и наименее, как кажется, вероятный. Россия укрепляет свой суверенитет, свою идентичность, отвращается от Запада, отказывается от глобализма, подчиняет модернизацию национальным интересам.

Здесь есть очень интересный фактор — *внешний аттрактор*. Дело в том, что в сторону переменных, в сторону глобализации Россию влечет гигантская мощь — мощь мировой инерции, в США и Западе, она имеет институционализацию, протекает в динамике мировых процессов, в информатизации и экономике. Почему сейчас Россия не распадается? Потому что существуют *постоянные* со своими противодействующими целями. Объяснить, для чего нужна Россия, *если мы вычеркнем постоянные*, никто никогда не сможет. Отказавшись от них, надо всех отпустить и глобализироваться дальше, как предлагали Березовский, Гусинский, Ходорковский и т. п.

Наиболее вероятный сценарий на последующие 15 лет: распад России, интеграция ее элит в глобальное сообщество, утверждение внешнего контроля над ядерным вооружением — по такой модели, как сейчас в Пакистане Америка зарабатывает. Хотя через 15 лет, возможно, все само устареет, заржавеет и сгниет.

Это напоминает игру в шахматы: игрок предполагает, что кто-то другой, отсутствующий, тоже должен двигать фигуры. И кто-то за игрока их двигает. Никто не может сразу сказать: «Я выиграл», это неинтересно. Поэтому игрок сидит и медленно передвигает фигуры и за своих, и за чужих. Я разговаривал с Бжезинским в Вашингтоне и спросил его: думал ли он о том, что шахматы — *игра для двоих*? Он ответил, что «*никогда об этом не задумывался*». Но он понимает: для того чтобы самому было интересно обыгрывать отсутствующего партнера, ему надо двигать за него фигуры. Таким образом, сопротивление заложено в самой модели «Большой Игры», и то, что Россия не распалась, для этого есть основания — еще есть *черные* фигуры, которые тоже учитываются, и те, которыми не играют люди типа Бжезинского. Пусть даже не активный игрок, но простая *инерция фигур*. Эта инерция не вечна. Если на противоположной от Бжезинского стороне шахматной доски (т. е. на нашей стороне) в ближайшее время

не появится гроссмейстер (или этот гроссмейстер не выйдет из тени, если он прячется — как считают некоторые), для распада России понадобится только время.

А.И. Неклесса:

Тогда, возможно, и нет «играющих» за единство России, а протекает медленный процесс ее распада?

Ответ (А.Г. Дугин):

Процесс распада идет, но его надо оформить с помощью определенных шагов. Мы вас съели, еще съели, еще съели, но вот — вы отбили нашу атаку — для того чтобы было интересно играющему в шахматы в одиночку.

Если ситуация идет в чистом теоретическом пространстве, если исключить силу трения (т. е. влияние констант) и появление капитана на мостике, мы гарантировано получаем распад и дезинтеграцию России через 15 лет. Причем какие-то сегменты могут этого не заметить, а то и обрадоваться — эвтания может быть для кого-то привлекательной. Можно очень радостно все потерять. Мы совсем недавно, в 1991 г., потеряли страну и даже здесь, наверняка, есть люди, которые считают, что мы сделали правильно.

России может не быть, и это наиболее вероятно. Тем не менее, у России есть константы, уже не раз ее могло не быть, но *что-то* ее вытягивало. Природу констант я сейчас не рассматриваю.

Есть обратная возможность, вероятность того, что *это не произойдет. Произойдет или не произойдет распад России* — это, пожалуй, точная формулировка. Все идет к тому, чтобы он произошел, но этому что-то препятствует. То, что этому препятствует, может продолжать этому препятствовать, а может это сопротивление ослабеть. Если оно ослабеет до критического уровня, крушение произойдет, потому что в одну сторону тянут с равной силой. Будут тянуть всегда, одинаково, как сейчас тянут.

Мой прогноз для России: через 15 лет, если сопротивление будет таким же вялым и бессистемным, чисто реактивным, она распадется. Есть действие, есть противодействие. Действие (глобализм) всегда активно, рано или поздно оно найдет слабину, когда человек будет перекидывать веревку из одной руки в другую, потянут и упадет — через Кавказ ли, через Дальний Восток ли, через социальный кризис ли — везде все теоретически готово и заминировано. Вообще Россия уже принципиально фрактурирована в планах США, поделена, как шоколад. Другой вопрос, когда надломится?

Вопрос (А.В. Шубин):

У меня такие вопросы — на понимание. Народ — это этнос с миссией. Соответственно, константна ли эта миссия? Если она константна, то в чем она заключается? Тогда она должна быть одна на всю историю. Так же требуется определение цивилизации, потому что цивилизация у Вас упоминалась либо через ссылки на Тойнби, либо через перечисление, в отличие от того же народа или той же миссии.

Второй вопрос. Когда Вы перечисляли признаки нашей константы, я все время почему-то думал о Китае. В чем принципиальная разница отечественных констант и китайских?

Ответ (А.Г. Дугин):

Что касается миссии. Специфика русской миссии, безусловно, связана с воспроизводством на русской почве иудейского эсхатологического сценария, который мы видим и в «Москве — Третьем Риме», и в христианско-православном понимании нашей истории, и в коммунистической идее. Идея состоит в том, что есть некая общность, называемая «новым Израилем» или, в нашем случае, *русским народом*. После того, как ветхий Израиль передал христианской церкви свою сотериологическую инициативу; после того, как вначале все народы вступили в эту церковь и она стала универсальной, Вселенской; после того, как уже от новой

(новозаветной) Церкви, от нового избранного народа стали отпадать куски — католичество, потом пал Новый Рим (Царьград) — появляется идея «Москва — Третий Рим», и русский народ осознает себя «богоносцем», сплотив вокруг себя другие народы как единственный оставшийся носитель ветхозаветной и новозаветной миссии. Мессианство связано с христианским учением, с тем, что народ реализует *фундаментальную мечту* трансформации мира из отделенного от Бога к присоединенному к Богу, из ада в рай. Это, скажем, *эсхатологически-богословская миссия*, которая наиболее четко выражается в форме православно-русской («Москва — Третий Рим») христианской теологии. Но она же косвенно скрывается в форме осмысленного русскими коммунизма (см. Н. Бердяев, Н. Устрялов, М. Агурский). Идеологически разные оформления, но миссия — одна. Вот *эта миссия и делает народ народом*. На мой взгляд, миссия остается одинаковой, она лишь меняет свои формы. При этом она константна, так же как меняется этнический состав великороссов, но, тем не менее, ядро остается константным. Подробно об этом — в моем двухтомнике «Русская вещь».

Теперь о признаках «цивилизации». Можно сказать, что под цивилизацией я понимаю то же самое, что понимает Данилевский под *культурно-историческим типом*. Это совокупность ценностей, отношений к миру, которые включают в себя антропологию, в данном случае, коллективистскую, когда *индивидуум есть часть целого*, т. е. реализация человека происходит через реализацию потенциала, заложенного в целом, а не в частном, в отличие, например, от социальной и политической антропологии Западной Европы. Культурно-исторический тип включает в себя антропологию, горизонты отношения к материальному, созерцательность или действенность, постановку приоритетов, например, в отношении стилей — в культуре, политике, социуме, религии. По Питириму Сорокину есть три типа культуры (цивилизации): идеационный, идеалистический и чувственный. Это сово-

купность некоторых характерных черт и приоритетов — иногда это связано с происхождением общей языковой базы, иногда — с историческим выбором, иногда с социальными флуктуациями. Цивилизация — это то, что можно назвать *typos* (по-гречески — типикон, типос). Это нечто, как правило, определяется в соотношении с другими терминами — то, что выше, чем государство, дольше, чем государство.

Когда Бродель пытается определить «цивилизацию», в своих работах он говорит *longue duree historique*, т. е. об «очень длинном цикле». *Цивилизация — это то, что не меняется в течение очень долгого цикла. В немецком языке синонимом этому является термин die Kultur (культура), откуда и путаница.*

Общество меняется довольно быстро, государство меняется быстро, религия может быть сменена. Цивилизация — это то, что остается неизменным. Идеологию или метаидеологию можно назвать цивилизацией, если она находится глубоко.

Цивилизации тоже могут быть разными. Есть современная западная цивилизация, есть греческая, исламская, конфуцианская. Хантингтон насчитывает их шесть. У Тойнби — намного больше.

Где-то в основе цивилизации может быть религиозная идея, а где-то — светско-государственная, когда государство порождает цивилизацию. Иногда религия — например, ислам — наоборот, через религию порождает государство (халифат), а потом — цивилизацию и т. д.

Цивилизации — это тонкое и часто ускользающее от четких юридических, исторических, феноменологических определений понятие *общности типа*. Сложность при определении цивилизации приводит к тому, что кое-кто отрицает само это понятие. Шпенглер противопоставляет «культуру» «цивилизации» как живую общность застывшей технической форме.

Вопрос о цивилизации и о том, является ли Россия цивилизацией, стоял в центре внимания русских евразийцев. Трубец-

кой, Савицкий, остальные евразийцы скрупулезно и подробно описали совокупность типично евразийских черт, которые отделяют, к примеру, русскую евразийскую цивилизацию от западноевропейской (романо-германской) — (см. например, «Основы евразийства», М., 2002 г. под моей редакцией).

Теперь о Китае. У Китая нет никакой всемирной миссии, кроме сохранения и укрепления собственной цивилизации. Это сплоченный суперэтнос, очень мощный, сильный, состоящий из многих этнических групп, обладающий мифом об общем происхождении, языком, культурой, но *не обладающий вселенской миссией*. В Китае отсутствует эсхатология, отсутствует представление об истории. Это огромный суперэтнос, так до конца и не ставший народом, т. е. *не вошедший в историю*. Китай — суперэтнос, государство, цивилизация, но не народ в том определении, с которым оперирует представленная мною схема. Это связано с тем, что у китайцев нет исторической миссии, нет исторического времени. Это время может прийти к ним, как оно приходит в Южную Корею через протестантизм и европеизацию, но не приходит в Северную.

Каким образом история может прийти в Китай? Например, через христианизацию или вестернизацию китайцев через несколько поколений, если они *поймут*, что им говорят проповедники, что повлечет за собой включенность в проблематику эсхатологии, миссии и времени. Пока Китай живет вне времени. Когда они говорят, что долго живут, имеется в виду не шесть или четыре тысячи лет китайской цивилизации, а то, что *они живут вечно*. Это, пожалуй, самое большое различие между Россией и Китаем: мы живем во времени, и наша миссия имеет исторический характер, а китайцы живут в вечности, их бытие раскинуто в вечности.

Вопрос (С.С. Сулакшин):

У меня три вопроса. У народа есть задача, цели и миссия. Для российского народа Вы их сформулировали. Можно ли называть миссии иных стран, т. е. иного содержания, иного типа?

Второй вопрос такой: если цивилизация в своем сущностном, категориальном корне содержит ценностную матрицу, с чем я согласен, то можно ли «перевоспитать» цивилизацию на сравнительно коротком историческом отрезке времени, трансплантируя из одного цивилизационного, генетического, ценностного кода какие-то выдающиеся гены в геном другой цивилизации? Скажем, внедрить удивительные западные рецепты успешности в российскую цивилизационно-ценностную матрицу. Возможно ли это в принципе, не нарушая категориальную, дефиниционную конструкцию?

Третий вопрос: я уловил созвучие в Вашем довольно обширном, не очень четком определении миссии российского народа или России, что это некое послание миру, предложение миру мечты или приобщение мира к мечте, или соединение человека с неким божественным установлением, предписанием. Возникает предположение, что миссия задана извне, не из нашего пространства, не из нашего мира. Если это так, то, наверное, извне определена и миссия российской государственности как таковой? Это, наверное, связано и с вопросом: распадется она или нет? В рамках той, извне предписанной миссии российской государственности, как оболочки для трансляции в мир миссии уже народной цивилизационной, что ей предписано — развалиться или нет? Можно ли это предположить в рамках Вашего концепта?

Ответ (А.Г. Дугин):

Что касается четкого определения миссии. Знаете, если бы ее можно было четко и школьно определить, то ситуация была бы другой. Как на защитах, когда от докторантов требуют вводить дефиниции на первых страницах своего исследования, это, с одной стороны, понятно, дальше будет сложно; но если речь идет о сложном термине, этим должно *заканчиваться* научное исследование, а не начинаться. С новой дефиниции исследование не может начинаться, если это действительно что-то творческое. Понятие *миссии* — термин,

семантический знак, который явно что-то под собой имеет, но это «что-то» ускользает от прямой расшифровки. В том же ряду стоят такие понятия, как телос, эсхатон, цель, энтелехия, задача, горизонт будущего, проект, (*Entwurf* у Хайдеггера) и т. д.

Это не значит, что каждый может понимать «миссию» по своему. Все понимают миссию приблизительно одинаково; но есть вещи, которые семантически настолько нагружены, перегружены даже, определенными значениями, что их прямая, четкая дефиниция в рамках рациональных структур противопоказана. Можно описать скелет русской миссии — мы переберем много феноменологических элементов, а самое главное ускользнет. Я думаю, что нечеткость в некоторых случаях не является отрицательным свойством; *есть термины, которые должны оставаться нечеткими*. Одновременно никто не препятствует тому, чтобы они уточнялись по ходу дискуссии, по ходу их осмысления, чтобы мы приближались к дефиниции миссии. Как сказано в Евангелии: «никто не знает последнего дня или часа, ни сам Сын, токмо Отец». Последнего смысла слова «миссия», я думаю, не знает никто, кроме самого русского народа. Надо очень дружить с самим собой, преданно любить свой народ, чтобы где-то поймать и схватить хотя бы отголосок этой формулировки. Я думаю, здесь это можно использовать в качестве знака, но не говорить о дефиниции. Можно попробовать ее дать, но я не рискую.

Теперь я пытаюсь феноменологически сопоставить эту миссию с другими народами, с чего вы, коллеги, начали свои вопросы. Безусловно, есть такой мессианский народ, как евреи. Миссия евреев описана в Ветхом Завете, в их религии. Миссия заключается в цикле рассеяния и возвращения (алии) на землю обетованную, чтобы подготовить на земле обетованной трансформацию мира и приход «мошиаха». «Мошиах» — это соединение двух начал — трансцендентного и имманентного — того, что далеко, и того, что близко. В этом мессианском моменте евреи, считающие себя его слу-

жителями, двигаются к тому, чтобы «Мошиах» появился и Небо соединилось бы с Землей.

Нечто подобное, на мой взгляд, имеют в виду и русские. Только в православно-христианском контексте, в других терминах и в других пропорциях. Здесь есть сопоставимость. В еврейском языке есть такое же, как русское, слово «народ» (ха-ам). Слово «гоим» — это народы, «другие», это «этносы». А вот ха-ам — только в единственном числе употребляется. Как мы, в принципе, понимаем или хотим понимать русский народ — просто «народ».

Безусловно, есть *американская миссия*. Американский народ имеет миссию самой адекватной (на его взгляд) технологической, политической и экономической организации мира. Т.е. это тоже мессианство, имеющее религиозные христианские протестантские корни, созвучное с еврейской эсхатологией, как и в нашем случае, но только выраженное на другом языке, в совершенно ином историческом, культурном и религиозном контексте.

Американская миссия была четко осмыслена и попытки ее дефиниции были даны в XIX в. во время американо-мексиканской войны как *Manifest Destiny*, «проявленное предназначение». Она означает *американское предназначение*, которое позволяет американцам завоевывать другие народы, потому что американцы «несут всем свободу и демократию», а другие народы по определению «не совершенны и не понимают этого» (поэтому и противятся). Американцы имеют в таком случае историческое, моральное, религиозное право нести идеологию прав человека, свободу и демократию всем остальным народам. Изначально это было введено для оправдания агрессии по отношению к Мексике и отторжения мексиканских земель.

Теперь, ислам. Это — тоже миссия. Арабы, создавшие мировой халифат, были вдохновлены религиозной миссией, они несли миру информацию, что «нет бога, кроме Аллаха, и что Мухаммед — пророк его». Тех, кто с этим не был со-

гласен, ждала расплата. Это другая миссия, совершенно по-другому оформленная, в ней есть определенная эсхатология. Там тоже есть иудейские корни, как и везде, поскольку первым мессианским, эсхатологическим народом, который принес *линейное время*, это известно, были евреи и Ветхий Завет. Поэтому неслучайно иудео-христианская и иудейская традиция лежит в основе всех мессианских проектов, и ясно, почему нет миссии у Китая.

Таким образом, разные народы по-разному могут формулировать свою миссию.

Почти все эти миссии так или иначе — в демократическом, коммунистическом, исламском, христианском, православном вариантах — резонируют с иудейским мессианством, которое является парадигмальным для большинства этих моделей.

По поводу того, можно ли трансплантировать цивилизацию? Это очень серьезный вопрос. Теоретически, наверное, можно. Цивилизации обладают большим *интеграционным потенциалом*, они *долго* длятся (по определению цивилизации, данном Броделем). Это общество, сохраняющее неизменными свои константы в течение долгого времени. Можно сказать, что возможно пересадить одну цивилизацию на другую, но за счет уничтожения первой. Вместо одной будет *другая* цивилизация. На месте арабских народов Северной Африки проживало великое множество этносов с самыми разнообразными культурами и разными цивилизациями. От них не осталось ничего. Там есть только арабская цивилизация, исламская цивилизация. Потомки этих этносов говорят, конечно, по-арабски и являются частью арабского мира. Таким образом, можно пересадить цивилизацию, но за счет уничтожения другой цивилизации. *Нас можно включить в глобальную цивилизацию за счет того, что мы перестанем быть носителями своей, русской цивилизации.*

И последнее — про миссию. Миссия — очень сложное явление. Если брать за парадигму еврейскую историю — я

думаю, что она вполне подходит для этого, — то мы видим следующее: 2000 лет жить без государства, жить на социальной периферии, в гетто, в чудовищных условиях, где все сильнее тебя, где все презирают твою религию, когда ясно, что христианство, к примеру, значительно более мощное, а потом — вернуться на Землю обетованную! Это означает, что миссия — это очень серьезная вещь.

Я уверен, что у русского народа есть миссия. *Ее структура действительно связана с объединением Неба и Земли через русский народ и русское пространство.* Русские считают, что государство должно служить этой миссии. Более того, в наших глазах, исходя из этой модели, легитимной будет только такая государственность, которая признает ее и будет ей служить.

Этой миссии государство может служить напрямую, а может и косвенно. Точно так же, как «гойские» «трефные» царства для евреев являются инструментом очищения и покаяния. Может быть, русские должны в антимессианской государственности покаяться, прийти в себя, пострадать, получить как следует, если еще мало получили, для того чтобы вспомнить об этой своей миссии.

Конечно, государство в нормативном случае должно служить народу, быть государством миссии. Государство может быть различным, оно есть переменная: может не служить миссии, может служить антимиссии. Отсюда идея старообрядцев, которые отождествляли послераскольную Россию с Вавилоном. Она для них и сейчас Вавилон. Это государство, которое отреклось от миссии и стало выполнять иную миссию (миссию Антихриста).

Как оно сложится в дальнейшем, я думаю, все зависит и от нас, потому что, если бы каждый еврей, встречаясь с другим, в течение 2000 лет не говорил: «До встречи на Земле обетованной», они в 1947 г. не вернулись бы и не было бы государства Израиль. Если мы, русские, в любом положении и состоянии — в государственном, антигосударственном, в подметном, когда нас вообще раздавят, — будем помнить о

русской миссии и приветствовать друг друга «Слава России!», мы добьемся своего. Иначе мы все провалим. Мы с вами провалим — не кто-то посторонний, а мы сами, русские.

Реплика (А.И. Неклесса):

Позвольте сделать одну ремарку. Процесс становления государства Израиль, действительно, весьма интересен, поскольку является одновременно реализацией большого комплексного социополитического проекта и практикой государственного строительства фактически с нуля. Недавно в Москве побывал экс-президент Израиля Ицхак Навон, бывший в свое время помощником Бен-Гуриона. И он рассказывал о ключевых моментах строительства государственности на начальном этапе. Причем с весьма драматичными подробностями, о которых можно прочесть в его докладе на московском семинаре (недавно выставленном на сайте www.intelros.ru), о том в каких критических условиях принимались решения. Решения, от которых зависело: погибнет ли государство, или сделает шаг вперед? По-моему, очень поучительный текст о строительстве новой государственности.

Вопрос (Г.Г. Малинецкий):

Я продолжу линию А.В. Шубина и тоже задам несколько вопросов на понимание. Поскольку другие ученые, которые мыслят в терминах цивилизации, имеют наивные, простые, но понятные определения. Например, у того же Хантингтона, который имеет дело с восемью цивилизациями и выделяет в качестве системообразующих очень простые виды. Поскольку Китаю отказано в праве быть народом с миссией, хотелось бы понять, какой список народов с миссиями Вы имеете перед собой? Сегодня я читал Вашу книгу, где Вы сравниваете Россию с Западом. Запад Вы трактуете как нечто целое, со своей миссией? Или Запад расслоен на несколько народов?

Второе. Вы увязываете миссию и другие вещи с религиозными корнями — религиозные корни народа, религиозные

корни цивилизации. Я хотел бы понять, что Вы берете в качестве эмпирической основы для всего этого? Давайте посмотрим на Россию. Даже по данным православной церкви, у нас 1,5% верующих. Возьмем Америку. Какая же там религиозность? Тоже странно... Связь религиозных вещей, которые случились много тысяч лет назад, с нынешними реалиями, с нынешним прогнозом тоже вызывает вопрос.

И третье. Только что прозвучал вопрос: что будет через 15 лет? На мой взгляд, вопрос принципиально некорректный. Точные науки довольно четко определили, что есть горизонт прогнозов. Перед математическими моделями ставятся четкие вопросы и дается нечеткий материал... Погоду, при всем желании, мы не можем предсказать на два месяца вперед, даже имея любые данные. Так устроена природа. И здесь есть четкое понимание того, что может быть и так, и эдак. А вот по части истории Вы мыслите совершенно иначе, противоположным образом: то, что произошло тысячи лет назад, оно все и предопределило. Вы берете те куски, которые Вам нравятся — они и мне очень нравятся, а именно, советский период и Московское царство — и говорите, что это наше все, это наше системообразующее, а остальное нам не очень нравится, мы его заметем под ковер. Мне очень близки Ваши идеи, Ваши выводы; но я хотел бы понять, на каком эмпирическом материале это строится?

Ответ (А.Г. Дугин):

По поводу прогнозов. В социологии есть такое понятие, как «тяжелая тенденция». Оно означает, что есть набор вероятностных тенденций, которые могут не осуществиться, но скорее всего осуществляются. Вебер говорил, в свою очередь, об *Absoluttypus*, которую Зомбарт трансформировал в *Normaltypus*, «нормальный тип». «Тяжелая тенденция» — это нечто схожее. Что это такое? *Это теоретическая аппроксимация социального процесса, которая никогда не реализуется в обозначенном виде, но которая является той невидимой осью, вокруг которой происходит осцилляция фиксируемых*

социальных процессов. Математически она не устанавливается, она устанавливается концептуально. Эта тяжелая тенденция вполне может быть оформлена в фигуре трифуркации, о которой я уже говорил. Все три тенденции являются «тяжелыми». Одна из них направлена к глобализации и реализации американских планов по построению глобальной мировой архетикутеры на своих принципах и в своих интересах. Другая тенденция, тоже тяжелая, направлена к сохранению констант. И есть результирующая тенденция — среднее об обоих векторов — вероятного развития событий, я назвал это «проникновением констант в переменные». Для полноты анализа у нас есть граничные условия. С какой скоростью, как, где и на каком этапе будет преобладание одной над другой, в какой момент это произойдет — зависит от такого большого количества факторов, в том числе и развития глобалистских процессов (как будет складываться американское доминирование и глобализация в других точках мира, и как они будут справляться с внутренними вызовами), что достоверно предсказать это невозможно. Думаю, можно сказать о каких-то вероятных точках, но прогноза на 15 лет — этого, действительно, никто не может дать. Можно лишь показать, описать вероятностные параметры возможного развития событий. Фигура трифуркации в сочетании с основной концептуальной структурой моего доклада чрезвычайно, на мой взгляд, важная и релевантная прогностическая модель сама по себе. Это ось координат, в которые мы можем помещать протекающие процессы и корректно отслеживать их смысл.

О религии. Здесь принципиальный вопрос. Я сторонник Вебера и позднего Дюркгейма. Дело в том, что для общества религия — это все. Это касается и откровенно религиозных обществ, и завуалированно религиозных. Мы знаем, что большую часть своей истории человечество прожило в религиозном обществе, где религиозные институты, религиозные отношения, религиозные мировоззрения, образование, власть, стратификация проходили и осмыслились в рамках

религиозных терминов. Это наиболее фундаментальный, по сравнению с другим коротким периодом Нового времени, период истории, который наложил неизгладимый отпечаток на все социальные институты. Вебер показывает, что *своим появлением Новое время и общество Нового времени обязаны секуляризации протестантской религии*. Западноевропейское общество — антирелигиозное, индивидуалистическое, рациональное, научное — рождается через секуляризацию протестантизма. Но Вебер в своем анализе взял только Европу.

Почему бы не рассмотреть (как намекнул Бердяев) то, что атеистическое, коммунистическое, советское общество является *результатом секуляризации, православно-национально понятой христианской религии*, не только в институтах и в формальной структуре, но гораздо глубже — ведь корни религии находятся в социальных архетипах, кодах цивилизации. Это — фундаментальнейшие теологические установки, о которых подчас забывают даже жрецы того или иного культа. Их проецируют в социальные, культурные, языковые, творческие, политические и др. области. Я считаю, что только корректно понимая структуру религиозного мировоззрения и детали развития разных религий в истории общества, мы можем понять дальнейшие процессы становления секулярного общества — в том числе, целиком светские, позитивистские, научные, технологические и т. д. Поэтому, знание основ Православия — и особенно его глубинных установок, его философии — поможет нам понимать процессы, протекавшие в СССР и протекающие сейчас в светской демократической России.

Я сейчас как раз закончил читать курс «Структурной социологии», где я показывал студентам, как *логос* смещается в сторону *мифоса*. Определенные аспекты богословия забываются, стираются и становятся культурой или бытовым поведением без того, что человек это ясно осознавал.

По поводу миссии Запада. Есть общая западная миссия, она связана с западнцентрическим укладом, идущим еще от эйкумены греков. Эйкумена, вселенная для греков это когда есть

«мы, греки и такие же как мы жители Средиземноморья», а за ее пределами — «варвары». Это представление о дуализме цивилизаций (нормальной и варварской) или представление своей цивилизации как *нормативной, единственной и универсальной*. Это свойство любого племени. Любое племя на каком-то этапе начинает рассматривать другое племя как *нелюдей*. В рамках цивилизации это приобретает характер обобщенный — «мы». Много разных, но «*мы — люди*» (греки, например), а вот там начинаются скифы, варвары и т. д. Запад мыслит людей представителями западно-христианской культуры. Это — люди и те, кто к ним примыкает. Те, кто идет другим путем — «фундаменталисты», «коммунисты», «русские» — это *другие*, варвары, «нечисть». Понимают их только после того, как они примыкают к этой западной цивилизации, вестернизируются.

Это первая миссия Запада. Она отнюдь не заключается в том, чтобы всех включить в себя (интеграционный процесс). Леви-Стросс писал, что *Запад вообще не признает за другими права на существование*. Он всех рассматривает как себя, либо плохого, недоделанного себя. В этом есть определенное «мессианство», а точнее — *расизм*.

Сегодня западное мессианство делится на два подпроекта — на американский проект, где собственные мессианские, протестанские, религиозные тенденции более сильны, чем в европейском проекте. Американский проект, связан с продвижением общих западных индивидуалистических ценностей — права человека, демократии, рынок, либерализм, западный образ жизни как норматив, но с дополнением *американской гегемонии*. Это американская версия западного мессианства.

Есть европейская версия, которая свободна от такой прямой, хищнической идеи brutального завоевания, установления контроля, но тоже имеет мессианский, хотя и скорее гуманитарный, культурный характер. Европа более толерантна, обращает внимание не столько на утверждение политической власти, сколько на интеграцию представителей разных цивилизаций в свою собственную.

Европа и США — как добрый и злой следователь. Сущность одна и та же. Хотя между ними есть и трения.

На сегодняшний день есть, таким образом, два западных мессианизма. В американском мы видим и фундаменталистские протестантские корни, что заметно в Республиканской партии, которая в значительной степени в своей политической риторике оперирует богословскими (диспенциалистскими) категориями. В Европе же мессианство чисто светское, что легко проследить в дискуссиях о запрете ношения исламских платков и хиджабов во французских школах. Два принципиально разных подхода.

Вопрос (Д.С. Чернавский):

У Вас очень печальное предсказание. Да, действительно, на Россию давят — и справа, и слева. Россия этому давлению сопротивляется слабо — по разным причинам. Вы думаете, что там, у них, все благополучно? Думаете, там никто ни на кого не давит? Что, в Америке, все мирно и тихо живут? В какой мере Вы хотите учитывать состояние религии или идеологии у других партнеров? Исход зависит от этого. В целом то, что Вы рассказали, это очень хороший пример борьбы условных реформаций, потому что религия — это условная реформация.

Ответ (А.Г. Дугин):

Это интересный вопрос. Если мы проведем социологический анализ процессов глобализации и их осмысления в американской элите, мы можем схематизировать эти тенденции в двух направлениях.

С одной стороны, есть *проект глобализации*, имеющий совершенно четкую формулу, четкую цивилизационную ориентацию, свои ценностные приоритеты, свои модели, которыми он оперирует, имеет свой язык, свои цели и задачи, свой телос. Кроме самой этой теоретической, довольно непротиворечивой и «интегрируемой» (в математическом смысле, «решаемо») модели существуют *волевые элиты* За-

пада, которые — хотя они и менялись, но сохраняли *цивилизационную преемственность* — продвигают этот проект. Т.е. мы имеем дело с *проектом* и с *субъектом* его реализации. Где они находятся? *В центре концентрации глобальных ресурсов*. Каким образом они там оказались, и этот центр стал центром концентрации глобальных ресурсов? Именно потому, что элита такая жесткая, *целенаправленная*, поэтому она и прибрала к рукам Центр, основные ресурсы и сложила их вокруг себя. Элита планирует и реализует. Одна из задач была поставлена в первой четверти XIX в. — *доктрина Монро*, «Америка для американцев». Она сформулирована в то время, когда Америка была далеко «не для американцев», а находилась под властью европейских держав. *Поставлена задача*, и к концу XIX в. — *выполнена задача*. Америка для американцев, Америка больше не является сателлитом европейских держав, как было за 75 лет до этого, до формулировки доктрины Монро.

Далее. Президент Вильсон ставит другую задачу в начале XX в.: Америка должна стать мировой державой, выйти за пределы доктрины Монро, влиять на демократизацию всего мира. Многие в самих США спрашивали: зачем все это нужно? Но Вильсон настаивал на *продолжении движения к мировому господству*. Реализовано в течение XX в.? — Да. Кем? — Элитами. Ресурсы получили? — Получили.

После Второй мировой войны начинается формулировка целей и задач «холодной войны». Надо сдерживать СССР, надо опрокинуть советскую цивилизацию, разрушить советский блок, расчленить СССР. Задача ставится в 1947–1948 гг. В течение 40 лет у нас столько всего интересного происходит — и космос, и кукуруза, и съезды КПСС, и конкурсы самодеятельной песни и много чего еще. Проходит 50 лет — Советского Союза нет, Варшавского договора нет, и умирающая Россия дышит на ладан. Поставили задачу — сделали. Кто сделал? — Те, кто поставили, те и сделали. Как сделали? Ну, конечно, с учетом *преодоления инерции*; хотели бы, наверное, пораньше.

Это означает, что мы имеем дело с *субъектом*, который *может планировать и реализовывать* свои планы, подыскивая под это ресурсы. Вопрос такой: есть элита, которая планирует управление миром и планомерно, шаг за шагом движется к выполнению задачи. Серьезно ли это? Да, серьезно. Очень серьезно.

Теперь вторая часть. Есть *инерция, сопротивление*. Вот мы сейчас как надоедливые насекомые, которые мешают субъекту в выполнении *его* задачи. Так же им мешает экономический кризис, нехватка ресурсов, пингвины, пустыни, то, что стоит у них на пути; Бен-Ладен им мешает, вьетнамцы, свои собственные меньшинства или большинства — тоже им мешают идти к своей цели. И они с ними ежедневно, с утра до вечера сражаются.

Можно подумать и о *капитализации инерции*, препятствующей осуществлению этих планов — планов мирового господства. Ресурсы инерции, противостоящие американским планам, есть, они очень серьезные, *по мере успехов глобализации растут ресурсы сопротивления этой глобализации*. Это не что иное, как совокупность *природных явлений*, к которым относится, в том числе, и наше Российское государство. Это дождь, ветер, это бараны, не вовремя появляющиеся на скоростном шоссе, — не более того. Но и это немало. *В мире сейчас есть одна воля, один субъект и один план, и очень много препятствий на пути этого субъекта, этой воли, этого плана, этой модели*. Эти препятствия составляют второе множество, которое *может быть* осмыслено как *нечто иное, нежели препятствие*. Но для этого у нас должна быть политическая элита, хотя бы по отдельным параметрам сопоставимая с той, которая правит миром.

А.И. Неклесса:

Прежде чем передать слово В.Э. Багдасаряну, позволю себе одно замечание. Мне хотелось бы, чтобы дискуссия все же протекала в более позитивном, конструктивном зале, а не сводилась, скажем, к теме сосредоточения определенных

сил мира ради сокрушения США. Наверное, это происходит неслучайно. Мы говорим о позитивном опыте строительства Израиля, о позитивном опыте Китая, наконец, о впечатляющем опыте строительства США — кстати, тоже своего рода социально-политическом эксперименте, начала которого — т. е. американской идентичности, американского мессианизма — были заложены еще в XVII в. в «Мэйфлауэрском соглашении» и образе «Града на холме», но мы практически не говорим об опыте строительства новой России-РФ. Другими словами, несмотря на заявленную тему семинара, о процессах, которые сегодня происходят в нашей стране, предпочитаем не говорить, подменяя рассуждениями о ее врагах и друзьях и о том, как нужно себя с ними вести. Хотелось бы услышать дискуссию все-таки о социогенетических и политэкономических особенностях именно России — пусть и в критическом, но, главное, в конструктивном залеге.

Вопрос (В.Э. Багдасарян):

Россия в своем генезисе строится цивилизационно иначе, чем Запад. Русское государство возникло раньше, чем русский народ — русское государство возникло до того, как сформировалась единая религия. Собственно, посредством его и сформировалась эта религия. Русское государство существовало, но ни единой религии, ни собственно русского народа, ни русской цивилизации еще не было. Почему, все-таки, государство — переменная, а народ — константа? Может быть, для разных сообществ возможно различное сочетание констант и переменных?

И второй вопрос: существует ли иерархия констант? Может ли константа быть переменной по отношению к другой константе? Если да, то где первая константа?

Ответ (А.Г. Дугин):

Очень хороший вопрос. Вопрос о выборе констант и переменных — это вопрос эвристический: какую модель

формализации мы возьмем, так дальше и пойдет наше исследование. Я совершенно убежден, что в разных этносах, в разных культурах, у разных народов, в разных государствах последовательность может быть различной. Есть некие социологические ансамбли, которые можно изучать по преемственности общества. Я не хочу сказать, что это универсальный закон. Я разработал эту модель исключительно в ходе размышлений о *русской* истории. Возможно, какие-то аналогии или симметрии можно провести, или же найти примеры, которые опровергают ту или иную модель в других народах. Я не претендую, что это универсальная классификация. Я ни коим образом не хотел бы выстраивать между этими явлениями какую бы то ни было иерархию. Если мы обратимся в нашей истории к константе государственности (скажем, что государство — это константа, а народ — переменная), то мы вынуждены будем рассматривать разные территории, разные идеологии, разные формы управления, разные религиозные ориентации — что же в них будет общего? Когда я разрабатывал эту модель, я выстраивал разные модели. Это, на самом деле, эвристика, формализация предложения концептуализации материалов.

Я могу сказать, что попытка рассмотреть государство как константу не позволила мне найти ни одного постоянного элемента — ни территория, ни этнический состав, ни культура, ни религия. Факт, что какое-то государство на нашей территории всегда было, но оно было настолько различно, что не поддается обобщению. Одно время народ наш, будучи тем же самым народом, жил в чужом государстве, довольно долго — при Орде. Это было не наше государство. Еще я могу сказать, что *история государства — это история прерывности*, т. е. государственности в русской истории прерывались. Сейчас оно настолько другое, что найти что-то общее довольно трудно. Поэтому я его занес в переменные.

Было ли у русских государство после начала XIII в. по конец XV в.? Это очень спорный вопрос. Народ же точно был. Я не думаю, что релевантно для формализации использовать государство как константу.

Второе. Я не думаю, что константность таких вещей, как *славянское ядро* или *росское ядро*, *народ* в широком смысле и *цивилизация* — являются истинами в последней инстанции, с которыми мы должны начинать четко все иерархизировать. Это — приглашение, которое позволяет нащупать преемственность и построить первичные отношения.

Когда мы говорим, что есть *росское ядро*, русский народ и русская цивилизация, русская культура, то мы выстраиваем концептуальный костяк того, что действительно неизменно. *Религия меняется, а внутренняя, цивилизационная ее сущность остается*. Она, возможно, сохраняется еще с дохристианских времен, транслируется сквозь христианские, сейчас она может обнаружиться. Это длинный цикл. В этих вещах, в константах точно есть большая длительность, подтверждаемая феноменологически и эмпирически. Взять хотя бы реконструкции В. Проппом исторического смысла русских волшебных сказок: он отсылает нас к неолитической революции, которая, оказывается, по-прежнему свежа и актуальна в народной культуре.

В переменных тоже все довольно связано. Например, рассмотрим судьбу армян в русской истории: они были в русской истории, потом уходили из русской истории, приходили в русскую историю, они участвовали в русской истории, интегрировались в русскую историю, потом могли попрощаться с русской историей. Тоже самое — с евреями, азербайджанцами, татарами. Эта возможность свободная. Конечно, можно сказать, что, к примеру, финно-угры пришли в Россию и никуда не собираются уходить. Но не это главное. Очевидно, что не армяне, не татары и не финно-угры сформировали и продолжают формировать идентичность русского народа, хотя с ним активно и чаще всего положительно взаимодействуют.

Государство не имеет черт непрерывности — оно постоянно меняется, меняются его границы, его идеологии, его формы, его институты.

Общества же в нашей истории еще более прерывны и различны, чем государства, с точки зрения самых основных своих показателей. Если брать общество по классической социологической схеме «власть — образование — деньги и престиж» (четыре социологических оси), то легко увидеть, что на каждом этапе русской истории, конфигурация этих осей была совершенно различной. У нас на 70 лет уничтожили экономическую дифференциацию. В 1990-е гг. она восстановилась в еще большей мере, и финансовое неравенство выросло как никогда. Сегодня зато плашмя лежит у нас ось образования. Константа — только власть и ее сакральность.

Выделение этих явлений — это эмпирический результат первичной формализации, который, на мой взгляд, продуктивен, в отличие от стремления придать свойства константы другим переменным явлениям. Что касается их релятивности, тут я с Вами совершенно согласен.

Дело в том, что изменяя социологическую масштабность, мы скажем, как такое государство существовало 200 лет, и внутри нее могли проходить разные этнические процессы, религиозные и т. д. В общем, на коротких циклах ситуация может быть даже обратной, как Вы это проиллюстрировали в отношении государства. Соотношение может быть обратным, на коротких циклах. На еще более коротких — еще более сложно. Здесь весь вопрос в масштабности.

Когда я прочитал название предложенной темы, я увидел все вместе — корни России как общества, как страны, как государства. Я увидел, что масштаб — максимальный. С моей точки зрения, в этом социологическом историческом масштабе такое распределение констант и переменных корректно и, я бы сказал, единственно возможно для конструктивности и связанности исследования. Хотя я хочу сказать, что пробовал менять их местами. При малых циклах полу-

чается, что более или менее сходятся концы с концами. При всей русской истории — конечно, нет. А религии, обратите внимание, здесь вообще нет.

Феноменология этой формализации не предполагает выделение первоконстанты. Хорошо, давайте обобщим, сложим эти три — народ, славянское ядро, русская цивилизация — и скажем, что это вообще нечто одно. Можно это склеить и сказать, что это *одно*. Что это русский код. А дальше скажем, что это три разных направления — внутри русского кода.

Меня социологическую историческую масштабность, ясность распределения констант и переменных трансформируется, и переменная может превратиться в константу и, наоборот, — при изменении социологического масштаба исследования. Здесь очень важен масштаб. Это не математика, а социология — другие законы, другие процессы, другие закономерности, другой объект — живое общество.

А.И. Неклесса:

Когда я услышал о прерывистом пунктире русской государственности, о существовании подпольной монгольской Руси, меня это несколько удивило. Я не думаю, что была некая «подпольная русскость» — было весьма специфическое государство, которое включало в себя и славянские, и финно-угорские, и татарские, и монгольские и иные компоненты. Но вне русла доклада осталась та полифония русских стран, которая не демонстрирует нам никакой исторической дискретности. Русские страны существовали за пределами Белой или Синей — Червонная Русь, Белая Русь, Черная Русь, Малая Русь. Существовали такие страны, как, скажем, Новгородская республика.

Это были русские государства, и с появлением зависимых от Орды княжеств они не прекратили существование. К примеру, независимость Новгородской республики прервалась гораздо позже — в 1477 г. Или несколько раз упоминавшееся Великое Княжество Литовское и Русское, которое было, по

сути, русским государством: государственным языком был русский, религией — большей частью православие (за исключением языческой Жмути). В этой области исторического знания много aberrаций. К примеру, название княжества — Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское — так вот столица его находилась в городе Гродно, а «литвин» в лексике того времени — это белорус. Католичество пришло в Литву в основном после того, как язычник Ягайло должен был жениться на королеве польской — Ядвиге, дочери Людвига Венгерского, после чего была заключена Кровная уния между Литвой и Польшей.

А были еще и казацкие земли, и архипелаги, разбросанные по всему континенту.

Короче говоря, у Руси очень сложная история. Так что сводить ее социогенетику к Московскому царству — значит резко сужать историческое пространство. Собственно, нынешние линии разлома на постсоветском пространстве во многом воспроизводят эту полифонию. Возможно, имеет смысл подумать об этом широком историческом круге — с целью найти ориентиры для новой российской исторической инициативы. Мы сегодня говорили о возможности распада РФ. И об образовании нового содружества постсоветских стран, ориентированных на Европу, на Европейский союз, — Восточного партнерства. Вот актуальные процессы, меняющиеся политические ориентации, производство будущей Европы.

И при этом мне все же хотелось бы, чтобы разговор принял более конструктивное направление, и речь шла о более близких временах — желательно о настоящем, а повторялись от раза к разу рассуждения о «Московском царстве» и «Третьем Риме», равно как и расхожие мифы о якобы особом коллективизме русского человека или его необыкновенной духовности. Потому что никакого коллективизма, никакой религиозности русского народа я, честно говоря, как эмпирического факта в России-РФ не наблюдаю. Мы имеем дело с разросшейся мифологией, заслоняющей реальные пробле-

мы, реальный облик страны, ее реальное положение и все ту же идентификацию.

И еще. Я неоднократно слышу разговоры не о той реальной, сократившейся в границах России-РФ, которая находится в бедственном положении, у которой сложная ситуация с экономикой, с политикой — как внутренней, так и внешней, — с культурой, с «человеческим фактором», а о неких предпосылках ее будущего величия. Которые традиционно венчаются выражением: «Россия и не такое переживала». Это, однако, не исключает того, что в какой-то момент, может, и не переживет... Мне все-таки хотелось бы, чтобы мы не уходили в не слишком достоверные исторические дебри и, тем более, не говорили бы о вполне мифологических вещах, но чтобы разговор шел о современном моменте, а исторические и цивилизационные особенности страны рассматривались как реальный, а не мифический ресурс в решении нынешних непростых проблем. Или как обременение. Короче говоря, были бы ближе к реальности и не сужали свой взор до Московии и генетики Московского княжества, которое — лишь одна из линий истории русских стран. Читая тексты того времени, мы читаем именно о русских странах. Это широчайшее, полифоничное, культурное пространство. Если мы говорим о цивилизации, это предполагает, что все-таки речь идет о симфонии или полифонии сообщества самых разных стран.

Вопрос (Е.В. Балановская):

У меня три коротких вопроса, которые касаются Вашей константы «народ». Первое. Вот Ваши слова: «не будет миссии, не будет народа». Миссия Вами сформулирована как православно-христианская. Вами же было сказано, что народ — это русские плюс татары. Какая же миссия у этого народа?

Второе. У Вас довольно негативная позиция в отношении переменных. Ваши слова: «необходима очень жесткая позиция в отношении переменных», но все неславянские этносы

являются переменными. Необходима ли такая жесткая позиция по отношению ко всем этносам, кроме славянского? Не получается ли, что народ — это чисто славяне? Можно ли приравнивать весь народ только россам?

И последнее. Сколько народов существует?

Ответ (А.Г. Дугин):

Я, наверное, недостаточно четко пояснил, почему, если я понимаю одно и то же под «россами» и «славянами», я развожу эти понятия? Почему я не пишу: «славяне — народ»? Почему у меня две константы? Тут же русская цивилизация — третья константа. Еще раз подчеркиваю, что постоянным явлением в нашей истории, в нашем нынешнем состоянии и на протяжении 1000 лет является *этническое ядро*. Ядро, а не *этнос*. От этого ядра откалывались и к нему примыкали славянские и неславянские, другие этнические группы, которые формировали свою государственность. Другие этнические группы сейчас формируют свою — украинскую, белорусскую и другую государственность. В какой-то момент были готовы в Чечне сформировать чеченскую государственность или татарскую в Поволжье — запросто могли и, может быть, еще сформируют. Но это, как раз, переменные — будь они славянские или неславянские. Иными словами, константа есть, какая-то часть русского народа остается сплоченной частью древнего, еще Киевской Руси русского народа. Какая-то часть славян и неславян на заре нашей истории *сплотилась*, поразному *сплотилась*, может быть, кривовато, но *сплотилась*, и остается в этом сплочении до сих пор. И сейчас оно есть. Те 85% — это не этнические русские, которые пишут себя русскими, это совсем другое. Это в чем-то сознательный выбор русского культурного типа. Это принадлежность к народу, а не к этносу. Есть неизменная этническая составляющая в составе народа. Это — постоянная величина.

Следующая константа — народ — это *другое*, чем этническая составляющая. Она представляет собой *этнос* плюс

еще тех, кто *не этнос*. Большинство племен, которые призвали Рюрика, были славянскими, но было два и неславянских, финно-угорских племени — мери и веси. Они тоже призвали Рюрика вместе со славянами. В принципе, часть этих невеликороссов как вошли в наш народ, так и не выходят. Но туда могут примкнуть и другие народы — не мери и веси, а, скажем, волжские татары.

Есть такой демографический момент: когда брали Казань при Иване Грозном, было 5 млн русских и 5 млн татар. Сегодня русских 100 млн, а татар — все те же 5 млн. Где остальные татары? — Они вошли в ряды возросшего русского населения, стали частью народа.

Если мы посмотрим на русскую историю, татары там всегда фигурируют — как отдельно, кто сохранил свою этническую особенность, так и вместе с великороссами, войдя в русский народ, став его частью. Кто-то из них крестился, кто-то нет; они отождествляют себя с миссией нашего народа в полной мере. *Русский народ открыт*.

Что касается православной миссии. Я взял ее как исторический пример миссии, оформленной и осознанной, уже не только национальной, но и как *государственную идею* в конкретный период — XVI в. Я неслучайно говорил, что необходимо осуществить *суперпозицию* по отношению к советской модели, где не было ни религии, ни русских, ни православия, ни христианства, а миссия, безусловно, *была*. Как понять нам специфику и основу этой миссии? Надо наложить друг на друга две формально противоположные или, как минимум, различные между собой идеи — православно-христианскую и коммунистическую, антиправославную, антихристианскую, антинациональную — и посмотреть, что общего? Окажется много чего общего при тщательном, корректном анализе. Хотя различий, конечно, больше. Но общее приблизит нас к пониманию нашего культурного кода.

Теперь по поводу того, сколько существует народов. Это очень сложный вопрос. Американский народ есть. Я думаю,

что европейцы существуют как народ. Когда-то французы и немцы воспринимали себя как народ и строили свои народные социумы. Немцы настолько вспомнили в XX в., что они народ со своей миссией, что чуть было весь мир не завоевали, но их вовремя остановили. Большой кровью. Идея у них иная, чем у американцев, — германизм, героизм, Нибелунги, Вотан, «сумерки богов».

Евреи — безусловно, народ. Греки, создавшие цивилизацию, но не создавшие до Александра Македонского единого государства, были народом и одновременно цивилизацией. Арабы были *этносом* до Мухаммеда и превратились в *народ* вместе с Мухаммедом. До Мухаммеда было множество кочевых бедуинских племен, они не были народом, у них не было миссии. У них были верблюды, у них были культы, у них была религия. Пришел Мухаммед и сказал: «Все, с этим заканчиваем», верблюдов оставляем, культы — выбрасываем. Так он сделал *арабов* из разных бедуинских племен, а затем в арабов превратилось население всей Северной Африки и Ближнего Востока. Арабский народ есть, его сделал Мухаммед, его сделал Коран, его сделал ислам.

Русский народ сделался сам, постепенно. Он не очень громко декларировал это вначале, хотя уже у митрополита Иллариона в «Слове о законе благодати» в XI в. мы встречаемся с национально понятой идеей «последние будут первыми». Последними, на том историческом горизонте, приняли христианство русские. Христианство уже почти за тысячу лет до этого распространялось на этих территориях. Русские приняли его последними, но, говорит митрополит Илларион, «мы будем первыми».

Дальше, эти затерянные в снегах славянские племена, которые были такими же, как все другие племена на свете, — разводят скот, женятся, ходят на охоту, собирают грибы — они вдруг зашевелились. И пошло дело к мировому влиянию и мировому спасению, которое уже в других формах и в других идеологиях, но всегда сохраняя что-то невероятно вну-

треннее, единое и неразрывное, *непрерывное*, раскинулось на полмира суворовскими отрядами и советскими сапогами, танками, ракетами, идеями, книгами и т. д. Мы были уже на расстоянии вытянутой руки от цели, которую помнили и к которой шли, даже забыв о ее изначальной формулировке. Первого славянского митрополита Иллариона уже мало кто не вспоминает, само христианство в СССР на время, по ходу дела, утратили, но миссия сохранялась и народ сохранялся. Мы, русские — народ.

Не уверен, что я все народы перечислил. Может, еще вспомнится какой-нибудь замечательный народ, идущий к своей исторической мечте.

У иранского народа в зороастризме была цель — осуществить конец мира и встать на стороне «спасителя» (Саошьянта) против Ангро-Манью, демона Злой Мысли, в последний момент мирового цикла.

Вопрос (О.Л. Курбатова):

Все-таки народ — это совокупность этносов или это этнос с определенной миссией? У нас какой народ — русский или российский? У нас в Конституции есть такое довольно странное начало, как «многонациональный народ РФ». С точки зрения классической этнологии, не очень понятно, как может быть народ многонациональным?

Второй вопрос: несет ли народ ответственность за содеянное государством? У нас сейчас много говорится об исторической ответственности русского народа за все, что произошло в XX в. Как Вы к этому относитесь? Народ как константа, государство как переменная, им же созданная, — какова мера ответственности народа?

И третий вопрос: как Вы считаете, в русской государственности, наверное, константой являлось крестьянское сословие, хранившее основные ценности? Уничтожение крестьянства на протяжении XX в. — не наносит ли оно урон именно этой константе?

Ответ (А.Г. Дугин):

Когда этнос вступает в историю и обретает миссию и телос (цель), он *перестает быть только этносом и становится народом*. Переставая им быть, он становится значительно более *открытым*. Он становится русским народом, который включает в себя *много* этносов. Русский народ включает в себя этносы, которые на разных основаниях в этом народе существуют.

В моем понимании, российский, национальный — означает принадлежность к РФ, т. е. гражданство. Российский человек — это гражданин РФ. С российским, по-моему, все понятно. Если у нас выстроится однородное общество, у нас будет *российская нация*, которой пока нет; потом — *российское гражданское общество*, которого тоже пока нет; но у нас есть начало этого — российское гражданство.

Теперь о понятии «русский». Есть два типа толкования «русский» — в смысле этноса и в смысле народа. Это графы 1 и 2 в моем описании константы. С моей точки зрения, под этническим русским подразумевается *великоросс* или же *росс*. Этнический русский в узкой трактовке — это *великоросс*; в широкой трактовке — *великоросс*, *белорус*, *малоросс* или кто-нибудь еще, если кто вспомнит о своих древнерусских корнях (например, галичане и волыняне из Червоной Руси). Это те, кто является *этническим русским*. Иногда для определения русского используется определение именно этого, этнического качества.

Есть вторая возможность использования термина *русский* — на сей раз применительно к народу. Если понимать под русскими весь народ, тогда в него надо включать русских чеченцев, русских азербайджанцев, тех, кто стал народом или является русским, кто отождествляется с нашей миссией. Теоретик татарского национализма Исмаил Гаспринский в свое время сказал прекрасную фразу: «У нас, татар, с русскими общность судьбы». Вот это главное — общность судьбы. Корни в данном случае второстепенны. *Тот, кто разде-*

ляет русское будущее, — тот русский, а не тот, кто русский только по прошлому, по происхождению. Определяя народ, мы говорим о телеологии, т. е. о цели, о перспективе, о будущем измерении. Соответственно, русские — это категория, обращенная в будущее. Во втором смысле, как народ. Народ всегда обращен в будущее, а этнос обращен в настоящее и прошлое.

По поводу многонационального народа в Конституции. На мой взгляд, это абсолютная чушь. При такой Конституции жить нельзя, поэтому С.С. Сулакшин предлагает написать другую — и правильно делает. Нация — понятие политическое, означает совокупность граждан суверенного государства. Многонациональный народ, следовательно, тот, который имеет несколько государств-наций, в которых доминирует.

Ответственен ли народ за государство? Это очень сложный момент. Государство есть продукт *отчужденного* творчества народа. Поэтому народ и создает периодически государство, затем ломает его и запускает новое. Государство имеет тенденцию к *автономизации*. Народ его создает как предмет. Иногда предмет выходит из строя, наподобие испорченной машины. Ответственен ли человек, сидящий за рулем, что у него отвалилось колесо? И да, и нет. Не подтянул гайку, не подумал... Государство, падая или, наоборот, слишком укрепляясь, подчас может погубить и народ, который его создал. Народ — живое, государство — если мертвое — техническое. У государства нет жизни, это — аппарат, а не организм. Его строят искусственно. Народ *живет*. Это историческая духовная, социальная, биологическая реальность, как я ее понимаю.

И последнее — крестьянство. Я думаю, что это очень серьезный вопрос. Неслучайно, что его так настойчиво уничтожали в XX в. С.Г. Кара-Мурза в своих работах описал, как крестьянское сознание проникло через пролетаризацию в города и предопределило второй — *параллельный* пласт про-

летарской культуры, пролетарского общества. Это недооцененная идея. *Все русские, в каком-то смысле, крестьяне.* Крестьяне в своем глубинном типе. Многие из нас выходцы из крестьян, а те, кто не выходцы, все равно крестьяне, потому что крестьянами раньше называли христиан в целом. Поэтому возрождение и русского народа, в первую очередь, и русской цивилизации, и даже русского этноса должно проходить *через расселение городов* и обращение вспять того процесса, который проводили большевики в 1930-е гг. Расселение мегаполисов по деревням. Жителей одной декадентской Москвы, к примеру, хватит на пол-Сибири.